

ЗАЛА 18

ШКАФЪ

ПОЛКА

№

276

3

238

Изъ Библіотеки для чтенія А. Смирдина

№ 10612.

За годъ . . 10 рубл. сер.

За полгода 6 » »

За 3 мѣсяца 4 » »

За мѣсяць 2 » »

За чтеніе книгъ съ жур-
налами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не
болѣе двухъ недѣль.

РИГА, И. КИММЕЛЬ, КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.

НОЩЬ

ИЗЪ

Сочиненій Г. ГЕСНЕРА

съ Нѣмецкаго на Россійскій
языкъ

переведенная

Николаемъ Пороховымъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1777 года.

a
a
a

NO 111

1832

ESTABLISHED 1832

OF THE CITY OF NEW YORK

NO 111

1832

ESTABLISHED 1832

OF THE CITY OF NEW YORK

NO 111

ESTABLISHED 1832

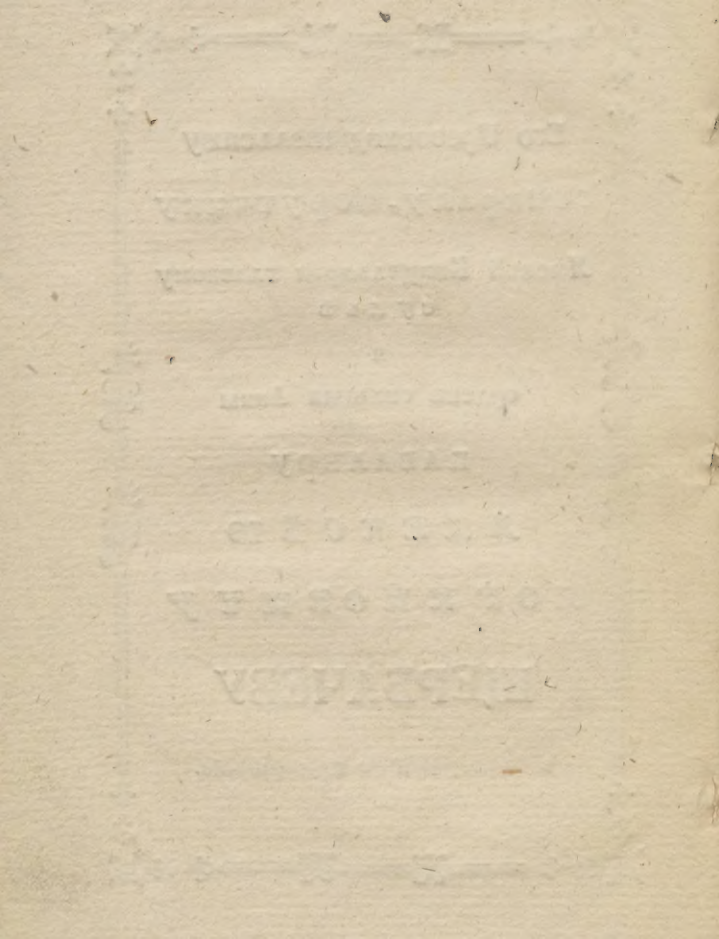
Его Превосходительству
ГЕНЕРАЛУ-ПОРУТЧИКУ
Ямской Канцеляріи главному
судьѣ

и
ордена свящія Анны

КАВАЛЕРУ

АЛЕКСѢЮ
ЛОГИНОВИЧУ
ЩЕРБАЧЕВУ

всепокорѣйшее приношеніе.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

*Первыя въ наукѣ моей
упражненія, какъ новый
плодъ посвящаю Вашему
Превосходительству; не съ-
пѣмъ, якобы они досто-
ны были вашего вниманія,
но что долгъ обязуетъ
воздать сіе даролриноше-
ніе своему покровителю.
Милостивое Вашего Превос-
ходительства сихъ недо-*

зрѣлыхъ плодовъ принятіе
подастъ мнѣ несомнѣнную
надежду ожидать вѣщающей
оныхъ зрѣлости въ грядущее
лѣто.

милостивый, государь!
Вашего Превосходительства

Всепокорнѣйшій слуга

Николай Пороховъ.

Н О Щ Ъ.

Тихая ночь! сколь пріятно наступаешь ты на меня здѣсь; здѣсь на мшистомъ камнѣ. Я видѣлъ еще тогда Феба, какъ онъ спущаясь за оныя горы скрывался; какъ онъ обращалъ. въ послѣдніе веселый видъ сквозь тонкую мглу, которая на подобіе златой прозрачной завѣсы отдаленные виноградныя горы, рощи и поля освѣщала; вся природа торжествовала его отшествіе въ крошкѣмъ и обратно багряновидномъ сіяніи, которое на полосатыхъ облакахъ пламеняло; птицы

А

пре-

прекращали приносимое ему пѣ-
нїе, и искали попарно безо-
пасныхъ гнѣздъ; пастырь дол-
жайшею шѣнїю сопровождаемый
идуци кѢ шалашу, игралъ свою
вечернюю пѣснь, когда я на
семѢ мѣстѣ заснулъ спокойно.

Тыли, сладкопѣвецъ! нѣ-
жнымъ своимъ гласомъ, или
тайно соглядаяющій лѣсный богъ
меня разбудилъ, или нѣкая
устрашенная Нимфа, пробѣгая
кустарникъ, шумъ произво-
дитъ.

О коль все прїятно зрится
въ безприщиворной красотѣ!

КОЛЬ

коль спокойно дремлетъ спра-
на меня окружающая! какое
восхищеніе! коль тихое раз-
ливается въ кипящемъ сердцѣ
моемъ колебаніе!

Устрашенный мой взоръ
прелѣтаетъ шемный лѣсъ, по-
коиится на свѣшлыхъ мѣсцахъ,
которые луна чрезъ густой
сводъ трепещущихъ листьевъ
то на мшистой пень, то на
помавающую траву или на зы-
блющіеся вѣтвья сквозь черную
мрачность разсѣваетъ; часомъ
возвращается онъ посиѣдно
трепещетъ, обманчивыми ви-
дами изкривленныхъ стеблей,

или въ темнотѣ шумящихъ
вѣтвей, или черныхъ тѣней,
устрашенный; а ошѣ студа
преплаваешь по волнамъ, ко-
норые какъ будтобы огни,
сверкаютъ на поверхности
близъ меня съ шумомъ стре-
мящагоса попока. Ибо Луна
преходилъ освѣщаемыя вер-
шины деревъ, тонконогими
еленями, или имѣющими шу-
мящія крылья и вокругъ изви-
вающеся шѣло, драконами,
посылая.

Коль услаждаете обоняніе,
вы окрестъ меня растущіе
цвѣты! и ты вовремя юлко
тихой

тихой ноци разверзающаяся и благоуханіе изливающая фѣалка, коль мило дышете вы шамъ въ темношѣ! ахъ не видно! безъ испещреннаго убору блистающихъ красокъ являетъ васъ нѣжность, которую я нынѣ оцущаю. Вы зыбаете въ мягкомъ нѣдрѣ засыпающихъ Зефировъ, которые веселясь крошкими забавами окрестъ васъ чрезъ долгій день утомились; а когда они пробуждаются, то находятъ вокругъ себя въ чистыхъ листовенныхъ чашахъ собранную росу.

Но кое шамъ тихое скрежетаніе, кое сипкое пѣніе на
блажныхъ

бластныхъ лугахъ раздается?
 Маленкіе зеленые жабки сидятъ
 на листвіяхъ и выводятъ свою
 усыпающую пѣснь смѣшенную
 съ грубѣйшимъ голосомъ пѣхъ,
 которые сидятъ въ близкой
 водѣ на хребтахъ плавающихъ
 пней, или покоятся въ тро-
 сшникѣ, или поднявъ вверху
 зеленую свою изъ болоша голо-
 ву лунь припѣваютъ, столь-
 же ушѣваясь хриплымъ голо-
 сомъ, сколько соловей чувства
 поражающимъ пѣніемъ. Такъ
 веселился и воспѣваетъ бѣд-
 ный стихотворецъ своему Ме-
 цевашу, въ толикомъ возхи-
 щеніи духа, коликое въ себѣ
 шупая

шупая его голова вмѣстипь можешъ, когда онъ въ сладкой надеждѣ блескъ серебряныхъ блюдъ и чрезъ долгое время невиданную вина полную сткляницу у своего благодѣтеля въ мысляхъ представляешъ, и мнишъ при слабомъ пѣнїи, что онъ не меньше, какъ и при Божественномъ ликовствованїи.

Тамъ за лугомъ возвышается тихо кустами усаженный холмъ, гдѣ между гибкими дубами лунный свѣтъ и черная тѣнь взаимно другъ друга пересѣкаютъ; тамъ пробѣгаешъ ручей, я слышу, я слышу его шумъ

шумъ; онъ стремится на мши-
стые камни, пропѣкаетъ пѣ-
ною каусясь нѣ долину, и цѣ-
луетъ скачущими волками цвѣ-
ты на берегу растущія.

Тамъ то я нѣкогда на злач-
номъ брегѣ при лунномъ сія-
нии нашелъ прекрасную дѣви-
цу, она лежала въ цвѣтахъ
погруженная, въ легкомъ одѣя-
ни, въ легкомъ, какъ тончай-
шія облака; въ которые луна
просіявая часто кроется; люш-
ня прикрывала нѣжное плечо и
мягкую грудь, на коей пере-
бѣгающая рука прикосновениемъ
громко звенящихъ струнъ, вы-
водила

водила тѣны, тѣны болѣе въ
возпоргѣ приводящія, нежели
все шомное соловья пѣніе.

Она пѣла; вся натура съ
нею соликовствовала, соловей
внималъ безгласенъ, возхищен-
ный богъ любви тайно согла-
далъ въ кустарникѣ, на лукъ
возлегли. Я есмь богъ любви,
богъ всерадостнѣйшаго восхи-
щенія, рекъ онъ самъ въ се-
бѣ; однако сей прелести сему
улажденію, уподобляются у
Спикса! только не многія изъ
блаженнѣйшихъ минушъ, ко-
торыми я наслаждался, съ шо-

го времени, какъ я богомъ любви пребываю.

Луна повелѣла своимъ драконамъ не дѣлать шуму крыльями; внимая возлѣгаетъ лакшемъ на едину страну серебряной колесницы, и воздыхаетъ, цѣломудренная богиня!

Дѣвица болѣе уже не пѣла, уже эхо въ близкихъ и отдаленныхъ горъ разсѣлинахъ послѣдній голосъ съ восторгомъ прижды повторило; природа сію пѣснь совосклицала; соловей сидѣлъ еще на зеленомъ вѣшви безгласенъ. Тогда
при-

приступилъ я къ дѣвицѣ. Небесная дѣвица! Богиня! вѣщалъ я запинаясь, и трепеща жалъ ея руку, и воздыхалъ. Устрашенная дѣвица потупляла взоръ свой въ землю, со стыдомъ и умиленіемъ; ставъ изнеможенъ повергся я къ ней; въ смятеніи дрожащія губы изображали ей тогда мое неизреченное восхищеніе.

Моя трепещущая рука, играла на тонко покрытой ея груди съ нѣжными ея руками предашельные забавы; а другая около бѣлой шеи покрытой черными кудрями обвивалась.

Б

Потомъ

Потомъ спустилась рука на дыханіемъ подѣмляющуюся грудь, дѣвица воздыкала, и я то ощущааъ, смснрла нне-
могая въ землю, и съ жоро-
павнымъ сопронвлеліемъ оп-
реваетъ мою руку оиъ подѣ-
емляющейя груди; тогда при-
шедъ въ робость оставилъ я
грудь и зыбляющуюся побѣду.

О дѣвица! дѣвица! Что
я ощущаю! опасаясь, чтобъ
ты на меня легкомысленного
вѣчныхъ оковъ не наложила!

Но! боги! что вижу я!
тамъ въ темной странѣ! свер-
каетъ

каешъ пламень, съ пламенемъ сверкающимъ, и хотѣиъ другъ друга доосигнуть, то скачуйъ они въ кругъ, то прѣлѣтають лѣса и горы, быстро какъ молніи.

Вы боги! Набожный поселянинъ пренежешъ предъ вами, а дерзновенный мудрецъ именуетъ васъ ругаясь зазженными парами. Явите свою благость являясь въ ночь благошворительны; вы приводите заблужденнаго любовника къ неперѣлливо ожидающей его любезной; или освѣщаете обоями пущь, когда они шайныя

рощи посвѣщаютъ; или уклоняете отъ пуши коварныхъ со гласселей и оставляете оныхъ погрязнуть во бласѣ.

Но, куда вы сокрылись лѣтающія божества! Померкшія мои очи не зрятъ уже болѣе въ темной спранѣ никакого сіянія: тамъ виситъ только на подобіе нѣкоего малаго свѣтильника, въ травѣ червячекъ; являетъ слабый свѣтъ, какъ угасающая лампада въ посвященной музамъ храминѣ углубившагося сочинителя, который заснулъ надъ Фоліантомъ, когда между шѣмъ временемъ
его

его супруга на брачномъ пус-
 помъ ложѣ спитъ не осторо-
 жно. Муза! ты можешь мнѣ
 сказать, для чего червяки
 свѣшъ въ своемъ хребтѣ имѣ-
 ютъ, и отъ чего сіе произо-
 шло. Зевесъ нѣкогда любилъ,
 а сіе дѣлалъ онъ часто, нѣ-
 кую прекрасную изъ смерт-
 ныхъ дѣвицу; за что Юнона
 негодовала на него по старин-
 ной ревности, крошкимъ нра-
 вомъ нынѣшнихъ госпожъ не-
 извѣстной, которые съ незло-
 бивою усмѣшкою наслаждающ-
 ся мщеніемъ тогда, когда го-

споспѣиѣ прохранивше мимо до-
машней своей ботини кѣ мла-
дой служащей дѣвицѣ, силь-
ной своей пламенѣ съ нею уно-
сяшѣ. Въ жестокомѣ гнѣвѣ
и алчнымѣ скомѣ все споны
его насладяшѣ. Въ одно вре-
мя при лунномѣ свѣтѣ, узрѣ-
ла она его въ опдаленномѣ ку-
снѣрникѣ, какѣ онѣ вокругѣ
груди и згибовѣ одежды нѣ-
коей прекрасной и молодой изѣ
смирныхѣ, дѣшааѣ жугомѣ
дерзновенно. Тогда съ воски-
пѣвшимѣ гнѣвомѣ смонрѣла
она долгое время изѣ облака
на сіе чудное явленіе. Сіе ис-
тинно, чиню жуки любяшѣ жу-
ковѣ,

ковѣ, но удивительно, что
крылатый червь къ дѣвицѣ
любовно воспламеняется; едва
изрекла она сии слова съ ис-
полненнымъ ярости ругатель-
ствомъ, уже Зевесъ спалъ
Зевесомъ, и усниравшую дѣ-
вицу принялъ въ свои объ-
ятия. Чѣмъ онъ прежде былъ,
тѣмъ будь нынѣ ты, рекла
съ яростию Юнона; внезапно
онимщеніе супружнаго безчес-
тія, дѣвица превратилась въ
пресмыкающійся червь; изъ
объятий удивленіемъ поражен-
наго Юнишера ползла она по
колысчатомъ лилійномъ сте-
блѣ вверхъ; а дабы вѣчное

установитъ сего безславїя вос-
 поминовенїе, то взявъ Юнона
 изъ вечерней зари одинъ лучъ,
 вложила въ ея шло, и сей
 то лучъ по всему живошныхъ
 сихъ роду раздѣляется.

Се плавають на изпещрен-
 номъ звѣздами небѣ малыя об-
 лака: ихъ край есть сіяющее
 серебро. На серебрянной по-
 верхности играютъ веселясь
 маленькіе любовные боги; они
 низпосылають каплющую росу
 для прохладенїя розъ имѣю-
 щихъ наутрїе украсить мла-
 дую грудь, и для ободренїя ви-
 градной лозы: коликорапно
 обое

обое служатъ льстивымъ богамъ!

Но уже блѣднѣютъ облака! По что Луна скрываешься въ темнопрозрачной завѣсѣ. Не ужели неможешь ты цѣлому-дренная! на облакахъ спосить дѣтскіе отъ боговъ игры? или Ендиміонъ нынѣ тебя отзываетъ?

Озари мнѣ пущь, кропкая Богиня! Я хочу выпити изъ роуци и видѣть оный холмъ, гдѣ извивающійся ручей виноградныя лѣшпорасли осѣняютъ, и на коего далеко простирающемся хребтѣ стоишь сѣнь,

гдѣ подбѣмашюся лѣпорасамъ
 въ емискомѣ сводѣ грездемъ
 обвѣщенныя, другъ друга сбѣ-
 емашю; гдѣ я часто въ про-
 хладной пѣнѣ жъ зеленой стѣ-
 нѣ приклонившись, надѣ роза-
 ми увѣнчанною чашею, пѣлъ
 съ друзьями пѣсни, кои Гаге-
 дорѣ и Глеймѣ въ весели
 съ любовными Богами состав-
 ляюшѣ.

Тамъ виденъ пріостѣнный
 ходъ! Тихій зришель бродитъ
 по темнотѣ въ немъ обита-
 ющей; для того чшо Вакхъ
 взялъ темный сей переходъ
 въ свое покровищельство.

Часто

Часто съ поражающимъ удивлѣнiемъ слышны здѣсь во время тихой ночи пѣсницъ вино восклицанiя, и серебряный звонъ наполненнаго кубка. Скидающiйся спрaвникъ слышитъ се, смотритъ, его любознѣющее око не видитъ ничего; удивленный онъступаетъ назадъ, и отходитъ исполненный благоговѣнiя.

Здравствуй шемная сѣнь!
О колы высоко подѣбмающiя
ловы гроздiемъ ошатоженныя!
Колы прiятно при лунномъ сiя-
нiи домавающiя лисивя!

Что

Что шумитъ шоль кротко
сквозь ивовъ вѣтвя , и пере-
бѣгаетъ съ однѣхъ гроздій на
другія ! Се Зефиры, и ... повѣрь-
те Музѣ ! и тѣнь будущихъ
друзей; благошворящѣ Зефиры
приносятъ ихъ на умащенныхъ
ароматами крыльяхъ; лѣща-
ютъ съ любовными Богами, соби-
рающія на хребты гроздій, ве-
селяся играютъ, и ловятъ
другъ друга въ шемномъ гро-
здій лабиринтѣ; а утомясь
собирающія на вѣтвенное ли-
ствіе, или омывающія росю въ
нѣдрѣ вмѣщающія ихъ рѣзы,
или засыпаютъ на гвозди-
кахъ, и смѣются пробудив-
шихся

иись видя что младая дѣвица
сорвавъ оныя; на груди своей
посадила.

О вы други! вы, которые
нынѣ далеко опселѣ лежите
сномъ оотягощенны; о естли бы
вы были здѣсь! естли бы я
увидѣлъ изъ далека въ тѣнѣ
сѣяющій свѣтильникъ, и услы-
шалъ васъ поющихъ! коль спѣ-
шно я устремился бы въ ва-
ши объятія, и упоенный въ
веселіи, присоединилъ бы мой
голосъ къ вашимъ восклицані-
ямъ!

Но я лишаюсь сея утѣхи!
Что слышу? Веселая забава и
громкій

громкій смѣхъ на холмъ восходящъ. Можетъ быть идешь Лей веселымъ своимъ ликомъ сопровождаемый!

Никакъ! О колкая радость! Васъ вижу я, васъ моихъ друзей! Вы на сей холмъ восходище! Намъ возложимъ на главы виноградные вѣнки, сядемъ въ кругъ подъ сѣнью! Кто зачнешь пѣснь веселую? дараздается звукъ въ сихъ рощахъ, и долины пѣніе сіе долинамъ да разглашаютъ.

Фаунъ теперь въ пещерахъ спящій слышитъ сіе и пробуж-

пробуждается. Удивленный внемлетъ сему пѣнью, возноситъся и восклицаетъ.

Фебъ за оною горою въ златой колесницѣ восходящій обрѣтаетъ еще насъ. Ахъ! (восклицаетъ онъ,) столь я веселъ не бывалъ отъ шого времени, какъ паки Фебомъ являюсь! Тогда собираетъ онъ облака, и проливаетъ дождь чрезъ цѣлый мрачный день.

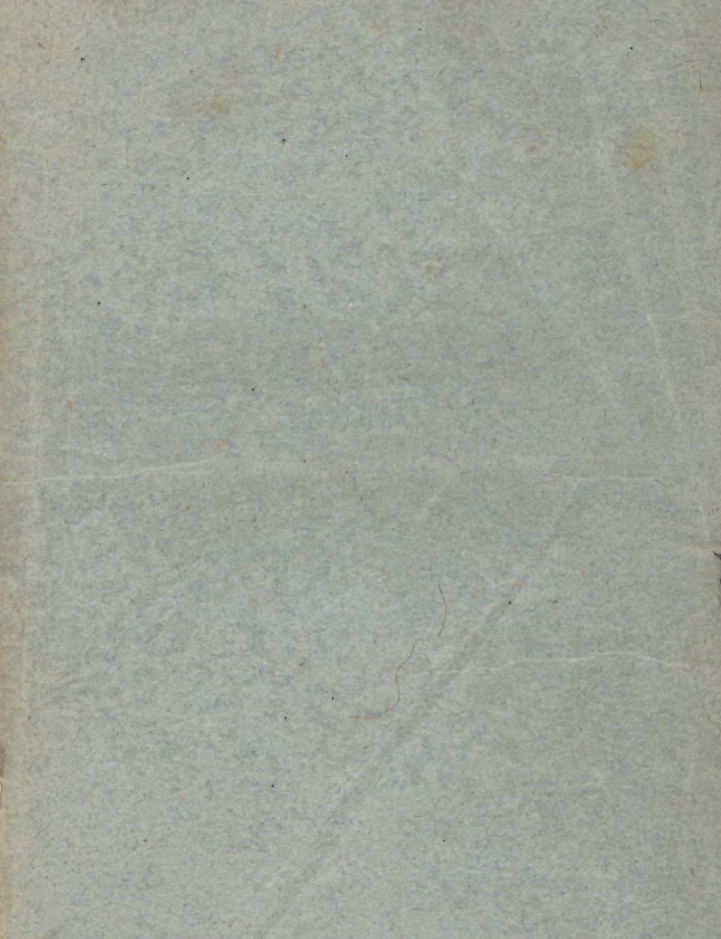
К О Н Е Ц Ъ

the same, the same, the same,
 the same, the same, the same,
 the same, the same, the same.

the same, the same, the same,
 the same, the same, the same,
 the same, the same, the same,
 the same, the same, the same,
 the same, the same, the same.

the same, the same, the same,
 the same, the same, the same,
 the same, the same, the same,
 the same, the same, the same.

the same, the same, the same,

18.276.3.238

✓